

Классы 1-А и 1-Б собрались вместе в школьном актовом зале для подведения итогов нападения на Лес Зверя. Хотя учителя никогда не говорили, что именно нужно держать в секрете о той ночи, один и тот же слух был у всех на устах. У Деку была причуда. Одноклассники через границу А / В приставали к Мономе, чтобы узнать подробности, но обычно громкий ученик отказывался давать ответы. Отсутствие Мидории в толпе только разожгло мельницы слухов.

Мина села сзади, подальше от сплетен. Ее мысли были сосредоточены на первом курсе, на нерешительном, нервном Изуку, который водил ее на свидания, задаваясь

вопросом, имеет ли это какое-либо отношение к таинственной причуде, о которой все говорили. Было ли ужасно, что она даже не думала, что, возможно, что-то не

так? Могла ли она что-то сделать? Должна ли она была кому-то рассказать?

Мина так увлеклась вопросами, что не заметила, как Айдзава, Инуи и Сэкидзиро вышли на сцену, пока оглушительная тишина одноклассников не заставила ее

поднять глаза. У обоих были мрачные выражения лица, а у Айзавы был плоский вид, который угрожал изгнанием при малейшей оплошности.

«Во-первых, я хотел бы поблагодарить всех вас за то, что вы сохраняете осторожность в отношении того, что произошло. До сих пор мы не обнаружили никаких

утечек информации, что позволило нам представить четкую и непредвзятую картину того, что произошло с общественностью и HPSC. Если кто-то из вас считает, что

общедоступная информация неверна или неполна, обратитесь к своему классному руководителю».

Ни один шепот не коснулся тишины после заявления Айзавы. Напряжение всколыхнуло воздух, пока студенты-герои второго курса ждали дальнейших объяснений.

Влад Кинг передернул плечами и поднялся на пьедестал почета. «Цель этого отчета состоит в том, чтобы развеять некоторые слухи, которые распространяются, и

проинформировать вас как о политике школы, так и о политике HPSC в отношении этого инцидента в будущем. Во-первых, для входа на территорию США будет

обязательна трехкратная идентификация биометрических данных, удостоверения личности и голосовых паролей. Во-вторых, поездки за пределы кампуса должны быть

одобрены вашим классным руководителем. В-третьих, все без исключения посетители кампуса должны быть сначала проверены сотрудниками США и постоянно

сопровождаться сотрудником».

Среди студентов поднялся шум. Красная вспышка вспыхнула в глазах Айзавы, когда он окинул их взглядом. Все инстинктивно замолчали, сжались на своих местах. «Эти меры для вашей безопасности. Злодеи, с которыми мы сражались, специально нацеливались на вас. Несоблюдение этих правил является основанием для

отстранения от работы или исключения, в зависимости от тяжести нарушения», — сказал Айзава. — Есть вопросы?

У всех на уме был только один вопрос, но ни у кого не хватило смелости задать.

— Хорошо. Айзава оглядел стены и потолок, убедившись, что там нет подслушивающих устройств. «Теперь мы обратили внимание на то, что у всех вас есть

основания полагать, что у Мидории Изуку, который был указан как Причуда в его школьных записях, есть причуда».

Мина почувствовала, что затаила дыхание. Все заерзали на своих местах, наклоняясь вперед, чтобы услышать каждое слово.

«Мидория вызвался дать полный отчет о своей ситуации. Однако перед этим я должен прояснить это. Ни одно слово из того, что вы сейчас услышите, не покинет эту

комнату. Как Герои, иногда на нас ложится обязанность хранить секреты, будь то защита общественности или их сверстников. Подробности о чем-то маршруте патрулирования или их причуде, их снаряжении поддержки, что угодно может и будет использоваться злодеями, чтобы причинить нам вред. Хотя ожидается, что

большая часть этой информации просочится, есть определенные секреты с гораздо большим потенциалом причинения вреда. Это один из таких секретов».

Мина напряглась, когда глаза Айзавы прорезали ее насквозь, с гранью смертельной гравитации, которую она никогда раньше ни в ком не видела. Она вздрогнула в

кресле и увидела, что все так же нервничают из-за холодного оружия в словах Айзавы, даже Тодороки и Бакуго.

«Эта информация не должна обсуждаться ни с кем за пределами этой комнаты или офиса гончей собаки. В противном случае, как только вы покинете эту комнату,

вы унесете эту тайну в могилу. Это понятно?

Кивает вокруг. Айзава нахмурился и сказал: «Мне нужно это услышать. Говорите».

— Да, Айдзава-сэнсэй.

— Хорошо. Я знаю, что есть много смешанных чувств по поводу этих слухов, но я прошу вас быть вежливыми с Мидорией. Это, прямо скажем, трудное время для

него, и я не потерплю никаких притеснений по отношению к нему. Имея это в виду, я позволю ему объяснить столько, сколько он сможет».

Мина знала Изуку, который подошел к подиуму, опустив глаза, сгорбив плечи, глядя на толпу и дергаясь. Судя по бормотанию и растерянными взглядами вокруг, все

остальные заметили разницу. Мина почувствовала, что напряглась, внезапно испугавшись того, что он собирался сказать.

Казалось, целую вечность, Мидория беспокойно смотрела на них из-за трибуны. Влад Кинг прошептал: «Сегодня, малыш», и Изуку вздрогнул.

— Э-э... Привет.

Изуку не собирался рвать. Он определенно не думал о том, что сегодня днем кацудон подкрадывается к его горлу, и не бил ногами по мусорному ведру, которое Девушка Восстановления предусмотрительно оставила для него. Он мог это сделать. Все, что ему нужно было сделать, это сказать это. Легко, правда? Он уже

сказал об этом Айзава-сэнсэю. Насколько трудно было сказать своим друзьям и одноклассникам, которым он весь прошлый год лгал, что у него есть причуда,

которая позволила ему обмануть спортивный фестиваль?

Влад Кинг что-то прошептал. Сердце Изуку чуть не сработало с его обедом. Испугавшись, Изуку сказал первое, что его язык смог высунуть.

— Э-э... Привет.

Класс уставился. Учителя уставились. Изуку уставился в пол, желая быть где угодно, только не в центре внимания всей вселенной. Два слова в его признании, и он

уже желал оцепеневшего утешения своей Причуды, где он уже точно знал бы, что сказать.

Тишину нарушил мягкий стук. Пристально посмотрев на источник звука, Изуку увидел Коду, спереди и в центре, с успокаивающей улыбкой на лице. Его руки

сложились в безмолвное сообщение: «Все в порядке. У тебя все хорошо».

Изуку никогда не чувствовал себя более благодарным за знание языка жестов. Он быстро поблагодарил и откашлялся. «Я, э-э, действительно не знаю, как это

сказать, поэтому, думаю, я просто скажу это. Я... У меня есть Q-причуда. Оно... отправляет мои воспоминания обратно ко мне во времени. Это похоже на

воспоминание о будущем, ну, вроде того, за исключением того, что я на самом деле не имею права голоса в том, как оно идет, оно просто показывает мне, что произойдет, и заставляет меня это делать».

Кирусима поднял руку. «Итак, подождите, вы можете видеть будущее?»

— Э-э... Ага?

При этом признании Мина почувствовала, как так много кусочков собираются вместе. USJ, это была его идея хранить кислоту, необходимую для ослабления Ному. А Спортивный фестиваль, он все устроил, чтобы победить? Существовали все эти новые правила, и он должен был знать об этой причуде поколения Эда заранее.

Мина была не единственной, кто испытал внезапное прозрение. Многие студенты, в частности Одзиро, расстроено смотрели на Изуку. Более уравновешенные

ученики между двумя классами, в частности Тодороки и Цую, выглядели более задумчивыми. На лице Яоорозу появилась неловкая улыбка, теперь, когда она знала,

как ее побеждали весь год.

Иида был в ярости. Взгляд замешательства и созерцания сменился дрожащей яростью, когда до него дошли последствия Причуды Изуку. Он был на полпути к тому,

чтобы встать со своего места, прежде чем взгляд Айзавы застыл на месте. Бакуго, с другой стороны, угрюмо сидел, скрестив руки на груди, глядя на Изуку, но в

остальном сдерживая свой гнев.

— А как насчет прямо сейчас? — спросила Мина. — Ты используешь свою причуду прямо сейчас?

«Э-э, нет, я не такой. Мне нужно держать его выключенным, б-потому что я провел так много времени с ним активным, я на самом деле, э-э, не справляюсь с тем,

чтобы быть без него. Я до сих пор не совсем уверен, как я могу перестать его использовать, меня попросили не делать этого, и он выключился. Так что да».

Пока Мина ломала голову, что это значит, вопросы продолжались без нее. Аояма поднял руку и спросил: «Не могли бы вы, возможно, продемонстрировать свою

причуду? О каком числе я думаю?

Выражение лица Мидории смягчилось, и он ответил: «Двадцать три».

«Великолепный! Это именно то, что я собирался сказать!

Кирисима почесал затылок. — Подожди, ты тоже умеешь читать мысли?

В мгновение ока встревоженная Мидория вернулась. «Нет, я просто знал, что это правильное число. Я помню, как говорил это, и помню, как Аояма сказал, что это

было число, о котором он думал. Я даже не знала, что он собирается задать этот вопрос, я знала только, что дам ответ».

Монома поднял руку. Кендо протянул руку, готовый каратэ зарубить его, но он был удивительно подавлен, когда сказал: «Я мог видеть только в течение тридцати минут, потому что именно столько времени у меня была причуда. Как далеко в будущее вы можете заглянуть?»

«, ну, я не совсем знаю наверняка, но самое длинное, что я видел, было девять лет».

Среди студентов поднялся взволнованный ропот, но Монома повысил голос. — А воспоминания, они все приходят сразу?

Изуку поморщился, вспомнив, как его Причуда появилась в возрасте пяти лет. — Это заняло около часа, — тихо сказал он.

— Насколько это было плохо?

Класс замолчал, увидев пораженное выражение лица Изуку. Кацуки бросил на Моному недоуменный взгляд. Изуку замер, раздумывая, сколько именно им сказать. Он

не мог упомянуть обо всем, что Кацуки сделал с ним, не без того, чтобы не усугубить ситуацию. «Я-это было хорошо. Почему ты спрашиваешь?

Монома пожал плечами. «Как типично для 1-А, все время притворяться таким жестким».

Кендо приковал его наручниками к затылку. Монома обернулся к ней и сказал: «Да ладно, это был несчастный случай!»

— Ты обещал.

Яоорозу откашлялась. «Если вы можете видеть так далеко вперед, то наверняка вы знали об обоих нападениях злодеев заранее. Почему ты ничего не сказал?»

«Э-э, ну, на самом деле я не получал особых предупреждений об этом. В первый раз, вещи... изменился, когда Айзава-сэнсэй стер мою причуду. До тех пор у меня не было четкой картины. И во второй раз м-моя причуда была... Проблемы. Мне пришлось попросить Айзава-сэнсэя снова стереть мою причуду, прежде чем я смог

заговорить об этом.

— Подожди, Айзава-сэнсэй может изменить будущее? — спросил Каминари.

«Нет, я думаю? Я не могу видеть, что происходит после того, как он его использует. Но Всемогущий...» Изуку подумал о тех временах, когда Всемогущий изменил его

будущее, и решил, что подразумевать, что он видел свою собственную смерть так много раз, вероятно, не очень хорошая идея. — Э-э... Следующий вопрос?

Тодороки поднял руку и спросил: «Есть ли какие-нибудь нападения злодеев, которые вы видите?»

Изуку съежился под пристальным взглядом тридцати девяти учеников перед ним. Он взглянул на Айзаву, но его учитель только оглянулся. Сглотнув, Изуку подумал,

как много он может раскрыть. Он видел там нескольких учеников, мельком представляя свое будущее, но он также знал, что рейд был важным секретом.

«Я не предвижу, что Лига Злодеев снова нападет», — сказал Изуку, как только нашел язык. «Я полагаю, что избиение, как они, означает, что им нужно

восстановиться?»

Его одноклассники расслабились и улыбнулись друг другу. Прежде чем кто-либо успел задать больше вопросов, Айзава вышел вперед и сказал: «Хорошо, этого достаточно. Одна вещь, которую я считаю важным отметить, заключается в том, что господин Мидория не может повлиять на исход того, что он видит. Остается неясным, как именно работает его причуда, поэтому мы пытаемся удержать его от его использования, пока не поймем его. В то же время, как для его, так и для

вашей безопасности, он будет продолжать использовать его, когда это необходимо, чтобы сохранить секретность своей Причуды.

Гончая Собака шагнула вперед. «Вы все будете консультироваться со мной по поводу этого инцидента. Если вы чувствуете, что разговор один на один с Изуку о его причуде будет необходим, вы можете записаться на эти сеансы прямо сейчас.

Иида подошел и поспешно подписал первую попавшуюся встречу. Изуку отпрянул назад под пристальным взглядом Ииды. Шокированный и даже обиженный яростью

на кого-то, кто, по мнению Изуку, хорошо воспринял бы новость о его причуде, Изуку почувствовал себя загнанным в угол за подиумом. Чувство вины охватило Изуку, когда он увидел обеспокоенные и сердитые выражения на лицах остальных своих одноклассников. Одзиро с жестким лицом и вспльщивым хвостом, Мина, нехарактерно тихий и сдержанный, и Бакуго, с расправленными плечами и прямой спиной, но нерешительным, когда он положил перо на бумагу.

Изуку провел весь год, лгая им. Ему здесь не место, но из-за того, что так сказала его причуда, он солгал в США, обманул на спортивном фестивале и причинил боль многим своим одноклассникам. Изуку не мог не думать, что им будет лучше, если он уйдет.

— Эй, подражатель.

Монома обернулся, собираясь выйти из зала. Бакуго подкрался к нему.

—, господин Бакуго, что заставило вас взорваться на этот раз?

Бакуго схватил Моному за шиворот и притянул его лицо ближе. «Вы сказали, что Деку вел себя жестко. Что вы хотели этим сказать?»

Монома взглянул на дверь. Все, что ему нужно было сделать, это выйти, и он мог утверждать, что его губы были запечатаны. Однако, поднеся руку Бакуго к лицу, Монома решил не бороться.

«Я не думаю, что это мое дело, чтобы говорить вам», — сказал Монома. «Если тебе так любопытно, почему бы тебе самому не спросить Мидорию?»

Бакуго громко скрипнули зубы. Монома с сожалением подумал о своем дантисте.

«Я спросил вас не просто так. А теперь пролейте».

— Хорошо. Думаю, меня это все равно не волнует». Монома изучил выражение лица Бакуго. Он был достаточно близко, чтобы почувствовать запах жженого сахара

от своего нитроглицеринового пота, так что он мог бы извлечь из этого что-нибудь. Обычное чванство и уверенность Бакуго исчезли. Его красные глаза метались

взад и вперед, и он оглянулся через плечо, проверяя слушателей. Его рука дрожала, и не от того, что он притянул Моному ближе, и пот смочил воротник Мономы, молчаливое, но эффективное напоминание о том, что он имеет дело с ходячей, говорящей бомбой.

«Когда я впервые получил эту причуду, я сразу почувствовал все, что произошло в течение следующих полчаса. Я легко отделался, так как знал, откуда придет

каждая атака, но меня все равно подрезали в плечо, когда я оттаскивал Шисиду с пути бензопилы, я получил несколько порезов, когда взорвался один из рогов Пони, а также была усталость от боя в течение полчаса. Все это казалось так, как будто это произошло в одно и то же время, как раз тогда, когда я впервые

получил это видение. Когда все это происходило на самом деле, я почти ничего из этого не чувствовал. Это было похоже на просмотр фильма в сотый раз. Вы уже

знаете все, что произойдет, и это теряет все свое влияние».

Пока Монома говорил, хватка Бакуго ослабла, а глаза расширились от ужаса. Монома ухмыльнулся и спросил: «Что-то случилось, Бакуго-сан? Ты выглядишь виноватым в чем-то».

Бакуго встряхнулся и отпустил Моному. — Прочь с дороги, лишний, — огрызнулся он, оттолкнув Моному в сторону и выскочив за дверь.

Монома смотрел, как Бакуго уходит, и размышлял о его реакции. На его лице было ясно видно чувство вины, но в чем он чувствовал себя виноватым?

Тень притупила свет вокруг Мономы. Он обернулся и увидел, что Айзава смотрит на него сверху вниз. «Я бы посоветовал не враждовать с Бакуго дальше. Оставь его взрослым».

— Хорошо. Кендо-сан убила бы меня, если бы подумала, что я все равно что-то планирую. Совсем не весело, вот этот».

Кацуки сделал пару десятков шагов по тропинке к парадным воротам, когда его ноги выскользнули из-под него. Стоя на коленях на земле, Кацуки вздрогнул, когда перед его глазами непрошено промелькнули изображения, на которых он бьет и сжигает Деку, как от первого лица, так и на видео, которые ему показал Незу.

Точно так же, как он, наконец, нашел способ снять с себя вину, поскольку у Деку все это время была причуда, и он мог надрать ему в любое время, когда захочет, Кацуки узнал отвратительную правду о том, почему Деку, казалось, никогда не заботился о том, чтобы получить травму. В течение девяти лет он избивал его, злясь на то, что он никогда не проявлял боли или страха, только чтобы теперь понять, что это было потому, что он уже заставил его пройти через всю эту боль в возрасте пяти лет.

Когда запах обожженной плоти ударил ему в ноздри, Кацуки почувствовал, как у него скрутило живот. Рвота брызнула изо рта и ноздрей. Дрожая, Кацуки отполз от

беспорядка и покатился по траве. Он сжал руки, разъяренный тем, что что-то столь глупое, как воспоминание, может сделать его настолько слабым, что он потеряет желудок.

Он не был уверен, как долго он пролежал там, пока звук шагов не заставил его поднять глаза. Гончая собака подошла к тротуару и остановилась, чтобы понюхать воздух.

— Думал, я что-то почувствовал, — пробормотал он. Его взгляд упал на лужу рвоты и неподвижную фигуру Кацуки на траве и побежал дальше. Он перевернул Кацуки на бок и попытался проверить пульс, но Кацуки оттолкнул его.

«Со мной все в порядке, просто оставь меня в покое».

Не обращая внимания на слова Кацуки, Гончая Собака разжала челюсть Кацуки и проверила, нет ли у него черного языка. Кацуки брызнул слюной и побежал по траве.

«Прекратите это! Я сказал, что со мной все в порядке!»

— Ты лежал на земле рядом с лужей рвоты, — сказала Гончая Собака. — Трудно поверить, что с тобой все в порядке.

«Ну, я. Просто уходи».

Гончая Собака присела на корточки и протянула руку. «Почему бы тебе не выпить чаю в моем кабинете? Это поможет с желудком».

Кацуки не хотел ничего, кроме как отмахнуться от него, но твердость в голосе Гончей Собаки говорила о том, что предложение не было обязательным. По крайней мере, чай смысл бы гнилостный привкус во рту.

Не обращая внимания на предложенную руку, Кацуки поднялся на ноги. Он посмотрел на консультанта и сказал: «Хорошо, я выпью дурацкого чая, но он мне не нужен».

Кацуки устроился на знакомом сиденье и уставился в пол, пока Гончая Собака нагревала воду. Как только чай был готов, он добавил щедрю ложку меда и поставил

ее перед Кацуки.

— Я предполагаю, что ты не болен и не принимаешь наркотики, — сказал Гончая Собака.

«Меня просто вырвало. Вот и все».

«Я не смогу помочь тебе, если ты не скажешь мне, что не так».

Кацуки швырнул кружку на стол, разбрызгивая повсюду чай. «Мне не нужна помощь!»

«Если это так, расскажи мне, что случилось, тогда я могу отправить тебя в путь».

Кацуки сиял и пил то, что осталось от чая. После долгого молчания он спросил: «Правда ли то, что сказал Подражатель?» Приподняв бровь Гончей Собаки, Кацуки

пояснил: «Дело в том, что Де-Мидория-сан пережил все, что я с ним сделал, сразу».

Гончая Собака вздрогнула и спрятала действие за кружкой. «Боюсь, что это правда. Что ты при этом чувствуешь?»

— Разозлился! — взревел Кацуки. Кружка выскользнула из его пальцев и покатила по полу. «Все это время он мог пнуть мое дерьмо! Вместо этого он сел и взял

его! Я... Я ударил его, споткнулся, обжег, и он просто позволил этому случиться! Почему?

Тяжелое дыхание Бакуго вырвалось из его открытого рта. Гончая Собака сидела в кресле, молча наблюдая за ним, пока он ждал, пока Бакуго остынет. Как только Бакуго расслабился в кресле, Гончая Собака сказала: «На предыдущих сессиях вы говорили, что причинять боль господину Мидории было неправильно, потому что он

не мог защитить себя. Ты все еще думаешь, что был неправ?»

Бакуго моргнул ему. — Конечно, нет. Он мог остановить меня в любое время, когда захочет».

Гончая Собака внутренне застонала. Они невольно построили реабилитацию Бакуго на предпосылке Причудливости Изуку. Когда эта предпосылка рухнула, Инуи

пришлось быстро и осторожно переместить метафорический небоскреб, который они построили за лето, на более прочный фундамент.

С трепетом человека, отправляющегося на минное поле, Инуи сказал: «А пока давайте оставим в стороне, мог ли он что-то с этим сделать. Признаете ли вы, что причинили Мидории сильную боль?»

Бакуго почувствовал, как кровь приливает к его голове, когда он подумал об этом. Его голова стала нечеткой, но он заставил себя сделать глубокий вдох. — Я так и

сделал. Однако герои делают это все время со злодеями».

— Мидория была злодейкой?

«Нет...»

— Тогда почему ты причинил ему боль?

«Потому что он продолжал смотреть на меня сверху вниз! Все это время он вел себя так, как будто я ничто! Что бы я ни делала, что бы я ни говорила, он вел себя

так, как будто я ничего не значила».

Инуи понюхал воздух и внимательно изучил лицо Бакуго, но у ребенка было слишком много эмоций, нагроможденных друг на друга, чтобы он мог понять это. Это было

похоже на попытку выделить аромат конкретной специи из целого склада различных ароматов.

Не имея никаких других вариантов прогресса, у Инуи не было другого выбора, кроме как раскрыть больше подробностей о причуде Мидории. «Его причуда подавляет

его эмоции. Это было не потому, что он меньше думал о тебе, что он не реагировал, а потому, что его причуда не позволяла ему что-либо чувствовать».

Гнев покинул лицо Кацуки. Он потер лоб, глубоко задумавшись, и сказал: «Он изменился за одну ночь. Это было похоже на то, что он каким-то образом сломался. Он

перестал улыбаться, перестал бормотать о героях, перестал говорить обо мне. Я думал, что это потому, что он сдался».

«Это главная причина, по которой мы пытаемся заставить господина Мидорию прекратить использовать свою причуду. Большую часть своей жизни он никогда не

справлялся со своими эмоциями. Вполне вероятно, что незначительные инциденты, такие как выбивание подноса из рук или спотыкание в коридоре, вызовут приступ

паники». Инуи встретился глазами с Кацуки, когда он сказал: «Пожалуйста, помни об этом во время урока».

— Я буду обращаться с ним как с фарфором, если ты этого хочешь, — проворчал Кацуки. После долгих размышлений он сказал: «Вы никогда не упоминали, почему он

все это время скрывал свою причуду. Не то чтобы у него были какие-то причины для этого».

«По-настоящему предвидящие причуды чрезвычайно редки и высоко ценятся. Такого с возможностями Мидории еще никогда не наблюдалось. Если бы слухи о его причуде распространились, было бы много влиятельных и беспринципных людей, которые попытались бы его забрать».

«Итак, он позволил мне избить его, чтобы продать тот факт, что он был Причудливым». Кацуки выпрямился и кивнул сам себе. «Вот почему он меня разозлил».

Инуи почувствовал, как рычание подступило к его горлу. Сохраняя спокойствие, он спросил: «Вы ничего этого не знали, не так ли?»

— Ну, нет, но...

«Вы физически и эмоционально помогали ему в течение девяти лет. Между его причудой и небрежным персоналом вашей средней школы он ничего не мог сделать,

чтобы остановить вас. Вы контролировали свои действия, а не он. Итак, Бакуго Кацуки, почему ты причинил ему боль?»

Кацуки вскочил и хлопнул ладонями по столу Инуи с небольшой вспышкой нитроглицерина. «Я ни хрена не знаю, ладно! Я - я запутался, слишком зол все время и все

такое дерьмо. Там, ты, черт возьми, счастлив?»

Дым поднялся между его пальцами. Слезы текли по его лицу, и он неудержимо трясся. Инуи положила успокаивающую руку на руку Кацуки и осторожно усадила его

обратно в кресло.

«Из того, что я знаю об обеих ваших историях, у меня есть догадка о том, почему вы сделали то, что сделали. Когда Мидория перестала вам отвечать, вы попытались привлечь его внимание. Обзывал его, бросал в него предметы, постепенно становясь все хуже с течением времени. Пока это звучит точно?»

Кацуки ошеломленно кивнул. «Другие дети тоже начали этим заниматься. Он относился к ним одинаково, и я думаю, что это меня тоже разозлило. Как будто я не был

чем-то особенным».

«Я думаю, что все это время ты просто хотел, чтобы твой друг вернулся, тот, кто был слишком взволнован героями и ходил с тобой ловить жуков. Как ты себя

чувствовал в те первые пару дней после того, как Изуку изменился?»

«Я... Я чувствовал себя сбитым с толку. Больно, наверное». Кацуки вытер лицо до тех пор, пока не осталось никаких следов его слез, прежде чем поднять глаза на

Гончую Собаку. «Зачем ты это говоришь? Что ты хочешь, чтобы я сделал?»

«Часть того, как мы учимся на своих ошибках, заключается в том, чтобы знать, почему мы их совершили. Я хочу, чтобы вы подумали о том, что мы обсуждали, и

решили, как вы собираетесь двигаться дальше. Как ты думаешь, сможешь ли ты сделать это к следующему приему?

— Это завтра, не так ли?

«Это может быть засчитано на сессию на этой неделе. Теперь ты чувствуешь себя лучше?

Кацуки встал и принес кружку, которую уронил. «Нет, но я могу с этим справиться. Позже».

Когда дверь закрылась, Инуи опустился на стол и прорычал про себя: «Мне действительно нужно перестать искать странные запахи».

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3246192>